

УДК 811.16'36

Фёдорова К.В.
(Казань, Россия)

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ПРИРОДЕ ЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (на примере славянских языков)

Стаття присвячена аналізу міжмовної омонімії і енантіосемії, що розглядаються в рамках явища інтерференції, ведучій до порушення комунікативної цілісності вислову і що провокує незрозуміння між іноземними комунікантами — носіями різних слов'янських мов. Особлива увага приділяється розгляду нестандартних мовних ситуацій, що виникли або спеціально створених на базі вказаного феномену.

Ключові слова: міжмовна омонімія, міжслов'янська енантіосемія, внутрішньоязикова енантіосемія, адгерентна енантіосемія, інтерференція, комунікативний акт.

Статья посвящена анализу межъязыковой омонимии и энантиосемии, рассматриваемых в рамках явления интерференции, ведущей к нарушению коммуникативной целостности высказывания и провоцирующей непонимание между иностранными коммуникантами — носителями различных славянских языков. Особое внимание уделяется рассмотрению нестандартных речевых ситуаций, возникших или специально созданных на базе указанного феномена.

Ключевые слова: межъязыковая омонимия, межславянская энантиосемия, внутривязыковая энантиосемия, адгерентная энантиосемия, интерференция, коммуникативный акт.

The article is devoted to interlinguistic homonymy and enantiosemy analysis. These phenomena belong to the process of interferention, which leads to the breaking of communication act and causes misunderstanding between foreign interlocutors, native speakers of Slavonic languages. More attention is paid to investigation of non-typical speech situations, which occurred spontaneously or created by smb on the basis of this phenomenon.

Key words: interlinguistic homonymy, interslavonic enantiosemy, intralinguistic enantiosemy, adherent enantiosemy, interferention, communication act.

Генетическое родство славянских языков создает богатую почву для лингвистических исследований. Наиболее перспективным в плане сравнительно-сопоставительного анализа является лексико-семантический уровень славянских языков. Это обусловлено тем, что реализация праславянского начала находит свое отражение прежде всего в многоаспектной семантике славянских единиц. При этом в процессе эволюции значения

лексем одних языков не претерпели никаких изменений, других – полностью разошлись в семантике, образовав так называемую омонимию, третьих – оказались в полярных отношениях, получив в научной литературе номинацию «межязыковая (межславянская) энантиосемия».

Межязыковую омонимию и энантиосемию естественно рассматривать как разновидности интерференции — процесса, в ходе которого происходит проникновение элементов родного языка в неродную речь, зачастую ведущее к нарушению коммуникативной целостности. Носители славянских языков и одновременно авторы следующих речевых ошибок поддались соблазну придать слову со знакомым фонетическим обликом значение, свойственное родному языку, а именно: «Настоящий актер не может жить без позорницы (сцены)» (с серб.), «Алена весь день собирала зерна (ягоды) в лесу» (с макед.), «Мне дурно (даром) достались билеты на этот концерт» (с укр.), «У нас в семье есть заповедь (запрет) на ночные прогулки» (с чеш.), «Соучастники (современники) художника А.Зверева не понимали его творчества» (с белорус.), «Это наиболее досадный (яркий/убедительный/наглядный) пример» (с польск.)

Внешнее сходство слов родственных языков подчас не только приводит к ошибкам, но и провоцирует создание комических ситуаций. Нетрудно представить себе недоумение российского туриста, обратившего внимание на табличку у входа в магазин в центре Праги: «Pozog: sleva». В действительности ни слева, ни справа не продается ничего позорного, ведь словосочетание это переводится как «Внимание: скидка». Надпись же на двери любого торгового помещения «Pozog, policie voruje» и вовсе переводится на русский всего лишь как «Внимание, объект находится под видеонаблюдением» (дословно: «внимание, полиция наблюдает»).

По словам очевидцев, некоторых русских туристов в Польше охватывала паника, когда таможенник на границе начинал их «pytać» («спрашивать»), задавая вопросы про какую-то «broń» («оружие»), в аэропорту предлагали «odebrać» («получить») багаж, а город поражал обилием «sklepow» («магазинов»). На память приходит также рассказ одного поляка, впервые ехавшего поездом в Россию. До полубморочного состояния его довел ответ проводницы поезда на просьбу принести чая: «Сейчас возьму чашку и налью». Ведь «czaszka» по польски – «черепа».

В одном сербском анекдоте русский никак не мог найти дорогу в город, так как на беду повстречал на пути местного деревенского жителя, который махнул рукой и прокричал по сербски «Право!» («прямо»), чем сбил путешественника с толку. Кстати, в Польше или в Украине странник столкнулся бы с похожей проблемой: и по польски, и по украински «прямо» будет «prosto» («просто»). Не стоит удивляться также, если на вопрос «Как Ваша фамилия?» серб, приняв слово «фамилия» за фонетически схожее сербское «фамилија» («семья») ответит: «Спасибо, все здоровы!».

Весьма типичные ошибки в украинской речи носителей русского языка (и наоборот) являются следствием контаминации двух контрастных значений идентичных по звучанию слов: ср. «город» (укр.) – «огород» (рус.), «двірець» (укр.) – «вокзал» (рус.), «дружина» (укр.) – «жена» (рус.), «захват» (укр.) – «восторг» (рус.), «кіт» (укр.) – «кот» (рус.), «кішка» (укр.) – «кошка» (рус.), «наглий» (укр.) – «внезапный» (рус.), «неділя» (укр.) – «воскресенье» (рус.), «папа» (укр.) – «поп» (рус.), «прізвище» (укр.) – «фамилия» (рус.),

«річ» (укр.) – «вещь» (рус.), «родина» (укр.) – «семья» (рус.), «час» (укр.) – «время» (рус.), «чоловік» (укр.) – «муж» (рус.) и т.д.

Межъязыковая интерференция часто обыгрывается в художественной литературе и кинематографе. Достаточно вспомнить эпизод фильма «Каникулы Кроша», где герой картины в исполнении М.И. Пуговкина, глядя на польский журнал с одноименным названием, восклицает: «Ничего себе уroda!». Польский писатель Stefan Żeromski в своем произведении «Przedwiośnie» неоднократно играет межъязыковыми омонимами, рисуя такие сцены: Ядвига Домбровска, мать Барыки, трясется и подпрыгивает в повозке, восклицая: «Co to tutaj u was takie płochе bruki!», имея ввиду конечно же дороги, а вовсе не брюки возницы [1:8]; Ядвига, желая сделать комплемент молодой барышне, говорит ей: «Ach, kakaja u was krasnaja roża!», не зная, что «рожа» и «роза» по русски — совершенно разные вещи [1:9].

Проблема межъязыковой омонимии, хотя и неоднозначно, но в принципе решена, во всяком случае, ей посвящено достаточно много научных изысканий. К тому же, омонимия представлена в славянских языках гораздо более ярко и многочисленно. Исследования, касающиеся проблем энантиосемии, напротив, до сих пор характеризуется противоречивостью и неоднозначностью.

В научный обиход понятие энантиосемии ввел чешский языковед В.И. Шерцль (1843-1906) в середине XIX века. Он считал, что данное уникальное в своем роде явление унаследовано от древнейших эпох: «Многознаменательность, составляющая несомненное и весьма характерное свойство древних корневых слов, оказывается ... одною из важнейших причин энантиосемии» [2:3]. С развитием мышления и языка такие значения дифференцировались и из общей сферы неопределенного понятия постепенно выделились более конкретные значения, переходящие в противоположность. В настоящее время незнание подводных камней, связанных с явлением межславянской энантиосемии, может сыграть дурную шутку с участниками акта коммуникации: «Молоко очень вредно (полезно) для здоровья» (с серб.), «Он говорил с лютостью (сожалением) в голосе» (со словац.), «Убегать (ходатайствовать о) помощи сиротам» (с польск.), «Немой (истощный) крик оглушил нас» (с белорус.), «У неё был маленький худой труп (тело)» (со словен.), «Её насмешка (улыбка) меня очаровала» (с макед.), «Плыть против течения» (с польск.), «Он курит на уйму (в ущерб) здоровья» (со словац.), «У него был чинный (деятельный) характер» (со словац.), «Каждый год весной эти семена снова никнут (прорастают)» (с серб.), «Каждый день в магазин привозят черствый (свежий) хлеб» (с чешск.), «Баща была девушкой необыкновенной уроды (красоты)» (с польск.), «У Богдана и его невесты (молодой жены) родился сын» (с болг.) и т. д.

Особое внимание необходимо уделить феномену внутриязыковой энантиосемии. Вспомним хрестоматийный пример, когда слово «возразила» употребляется И.С. Тургеневым в рассказе «Му-му» в значении «согласилась» [3:120]. Легко проследить развитие противоположных значений внутри одного корня на словах библейского происхождения: то, что для Библии имеет отрицательно заряженную коннотацию, народом переосмысливалось в положительном ключе: лихо, лихой (плохой, скверный и удалой, смелый); прелесть (греховное состояние: соблазн, заблуждение, прельщение, обман, напр.: *не впасть в прелесть* и очарование, привлекательность). Подобных примеров в современном русском языке находим множество. Вот наиболее интересные из них:

«прослушать» – «пропустить мимо ушей» и «выслушать»: *Я внимательно прослушал музыкальную композицию. Я снова все прослушала из-за шума и детских криков;*
«наверное» – «возможно» и «точно»: *Я наверное знаю правильный ответ. Я знаю правильный ответ наверное;*
«одолжить» – «взять в долг» и «дать в долг»: *Я одолжил у Серова немного денег. Я одолжил Серову немного денег;*
«отходить» – «приходить в себя» и «прощаться с жизнью»: *Он уже отошел от болезни и даже понемногу встает. Он отошел в мир иной;*
«отобрать» – «отнять у кого-то» и «выбрать для кого-то/чего-то»: *Миша отобрал у малышей игрушки. Сегодня режиссер отобрал нескольких кандидатов на роль в новом спектакле;*
«обошел» – «подошел к каждому» и «не подошел ни к кому»: *Врач обошел всех пациентов. Любовь обошла его стороной;*
«вывести» – «уничтожить» и «создать»: *Вывести блох — непростая задача. Я мечтаю вывести новый сорт огурцов;*
«задуть» – «погасить» и «разжечь»: *Не забудь задуть свечу перед уходом. Задуи печь, здесь очень холодно;*
«вырубить» – «уничтожить рубкой» и «создать рубкой»: *Приказано вырубить здесь лес и построить больницу. Попробуй вырубить фигуру из камня;*
«разбить» – «создать» и «уничтожить»: *Я хочу разбить сад за домом. Петя разбил стакан и т.д.*

Явление разговорной энантиосемии, не фиксируемой в словарях, иначе — адгерентная, всегда жестко связана с внутренней иерархией участников коммуникативного акта [4:51-52], и каждый из нас активно использует ее по мере эмоциональной необходимости: ср. «забил гвоздь», «забил стрелку», «забил информацию в компьютер» и «забил на все». В русском языке адгерентная энантиосемия также послужила источником множества анекдотов. Вот один из них:

Хрущев приезжает на встречу с октябрятами. Один мальчик его спрашивает:

- 1) Папа говорит, что Вы запустили не только спутник, но и сельское хозяйство!
- 2) Передай своему папе, что я умею сажать не только кукурузу [5:206].

Каламбурами, построенными на явлении внутриязыковой энантиосемии, изобилуют современные российские телевизионные сериалы. Так, на полярности семантики глагола «отмучиться», т. е. «перестать страдать, пойти на поправку» и «умереть», основан сюжет одной из серий коммерческого проекта «Реальные пацаны». Герой «Ментовских войн» говорит преградившей ему дорогу уборщице: «Убирайтесь, убирайтесь, не мешайте мне!». На что та, демонстрируя внутрисловную оппозицию «убираться» – «наводить порядок в помещении» и «покидать помещение», отвечает: «Вы уберетесь, и я уберусь».

Достоинной внимания кажется дискуссия по поводу «полезности» или «вредности» энантиосемии. Одни ученые считают энантиосемию непродуктивным явлением, «реликтом древних корней» [6:192], другие – регулярным языковым явлением [7;8]. Мнение Л.А. Новикова основывается на том, что энантиосем мало, к тому же энантиосемия мешает коммуникации еще больше, чем обыкновенная омонимия, так что язык старается

вытеснить ее. Та же точка зрения – у В. Шерцля: «Чем язык древнее и чем народ примитивнее, тем чаще встречается это явление» [2:1].

На самом деле, если мы говорим о внутриязыковых отношениях, энантиосемия в современных славянских литературных языках отнюдь не вымирает, о чем свидетельствуют новые данные, подтверждающие продуктивность этого феномена (ср. в русском молодежном жаргоне абзац «о чем-либо вызывающем резкое неодобрение»; «о чем-либо очень хорошо, вызывающем одобрение» [9:9] и в русском литературном языке про-караулить – «провести какое-нибудь время, карауля что-нибудь»; «плохо карауля, пропустить» [10:111]). В современном мышлении энантиосемия вновь активизируется, но уже в связи с синтезирующими тенденциями в культуре, попытками объединить в одном понятии ранее разнородные смыслы [7:173].

К тому же, как нам кажется, внутриязыковые энантиосемии не представляют серьезной проблемы для коммуникации, «так как почти всегда нейтрализуются или речевой ситуацией, или контекстом» [11:43]. Иное дело — явление межъязыковой энантиосемии, способной спровоцировать непонимание со стороны одного из коммуникантов: ср. в польском «pisać» («писать») и в русском «писать» с ударением на первый слог, польское «pukać» («стучать») и русское «пукать» и т.д.

Согласно концепции Л.В. Малаховского, энантиосемия — «явление полезное» [12:24]. А.Д. Шмелев полагает, что «энантиосемия неправильно считать редким и непродуктивным явлением, так как она представляет собою не курьез, который можно иллюстрировать несколькими изолированными примерами, не образующими никакой системы, а регулярное явление, основанное на некоторых общих принципах познавательной способности человека и человеческого общения» [7:173].

Данная статья является попыткой заполнить лакуны в славянской лексикологии. Анализ семантической структуры слов в зеркале других близкородственных языков существенно способствует более глубокому и цельному пониманию законов родного языка. Основная функция языка — быть средством общения, а потому изучение коммуникативной природы явления интерференции невероятно актуально в современной лингвистической науке.

Для современных гуманитарных исследований мирового уровня особенно важны, как известно, два условия: 1) прикладной характер исследований; 2) междисциплинарный подход в выборе темы, методов и методик научных изысканий. Данная статья совмещает в себе указанные требования, а результаты работы могут быть широко использованы в теории коммуникации, лингводидактике, теории и практике перевода, лексикографии, теории семасиологии, глоттодидактике, а также учтены при составлении учебных пособий и разработке курса сравнительной лексикологии славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- i. Żeromski S. Przedwiośnie / Stefan Żeromski. – Warszawa : Czytelnik, 1985. – 315 с.
- ii. Шерцль В.И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. – Воронеж. – Вып. V-VI, 1883, С.1-39.
- iii. Тургенев И.С. Избранное / И.С. Тургенев. – М.: «Современник», 1981, 605 с.

- iv. Складская Г.Н. Новый академический словарь. Проспект. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – С. 51 – 52.
- v. Архипова А.С. Традиции и новации в анекдотах о Путине // Антропологический форум. – 2009, №10. – С. 181-251.
- vi. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике / Л.А. Новиков. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1973. – 215 с.
- vii. Шмелев А.Д. «Незначущее» и «невывраженное» отрицание. (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2009. – С.173.
- viii. Ермакова О. П. Лексическое значение производных слов в русском языке / О.П. Ермакова. – М., 1984. – 152 с.
- ix. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга: По материалам 70-90-х годов. – 2-е изд. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.- 592 с.
- x. Балалыкина Э.А. К вопросу о лексической и словообразовательной энантиосемии в русском языке. // Актуальные проблемы грамматики и лексикологии. Часть 1. – Казань: Издательство Казанского университета, 1979. – С. 102-114.
- xi. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.
- xii. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. Изд. 2 доп. / Л.В. Малаховский. – М.: Книжный Дом «Либроком», 2009. – 248 с.

КОНОТАТИВНІСТЬ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ В АНГЛІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

У даній роботі розглядається поняття конотації, конотативний аспект фразеологічних одиниць англійської літератури. Особливу увагу приділяється сутності слова, зокрема слова як складової частини художнього тексту. Розглядаються поняття «внутрішньої» та «зовнішньої» форми слова й відповідно його денотативне та конотативне значення. Аналізується поняття «конотації», його емоційний, експресивний та оціночний аспекти, методи визначення конотації в тексті. Фразеологічні одиниці розглядаються як такі, що насамперед характеризуються образністю та експресивністю. Значна увага приділена реалізації фразем в контексті, який сприяє семантичному розгортанню значення фразеологічної одиниці. З метою ілюстрації наведено приклади вживання фразеологічних одиниць в художніх творах англійської літератури (Ф. Гарді, Т. Драйзера, В. Шекспіра, Ч. Дікенса та ін.).

Ключові слова: конотативне значення, денотативне значення, фразеологічна одиниця, внутрішня форма слова.

В этой статье рассматривается понятие коннотации, коннотативный аспект фразеологизмов в английской литературе. Особое внимание уделяется сущности слова, особенно слова как составной части художественного текста. Рассматривается понятие «внешней» и «внутренней» формы слова и соответственно его денотативное и коннотативное значение. Анализируется понятие коннотации, его эмоциональный, экспрессивный и оценочный аспекты, методы поиска коннотации в тексте. Фразеологические единицы рассматриваются как такие, что прежде всего характеризуются образностью и экспрессивностью. Особое внимание уделяется реализации фразеологических единиц в контексте, который активизирует расширение семантического значения фразеологической единицы. В качестве примеров поданы фрагменты художественных произведений писателей английской литературы (Ф. Гарди, Т. Драйзера, В. Шекспира, Ч. Дикенса и др.).

Ключевые слова: конотативное значение, денотативное значение, фразеологическая единица, внутренняя форма слова.

In this article the term "connotation" and connotational aspect of verbal phraseological units of English literature is viewed. Much attention is paid to the theory of "word", regarding it as a constitutional part of artistic text. Its inner and external form is analyzed, its connotative and denotative meaning. Viewing connotation we speak about emotional, evaluative and expressive aspects, main methods of its investigation in the text. Phraseological units are analyzed as those which that possess image and expressiveness. Their semantics is fully realized in the context. There are some examples of usage of verbal phraseological units in the works by English writers (F. Hardy, Th. Dreiser, W. Shakespeare, Ch. Dickens etc.).

Key-words: connotative meaning, denotative meaning, phraseological unit, inner form of the word.